

Беляева, Е. В. Безопасное историческое сознание / Е. В. Беляева // *Strategia supraviețuirii din perspectiva bioeticii, filosofiei și medicinei / Culegere de articole științifice cu participare internațională. Vol. 21/ Red. responsabil dr. hab. în filosofie, prof. univ. Teodor N. Țîrdea. – Chișinău, 2015. – P. 150–154. – 0,4 a. л.*

БЕЗОПАСНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Беляева Е.В.

Кандидат философских наук

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Summary

Values of historical consciousness define “that”, “as” and “what for” people and their communities remember from the historical past. Valuable vector of historical consciousness in traditional societies is directed to the past, in societies of modernity – in the future, postmodern societies estimate past events as neutral. Secure historical consciousness of contemporary civilization must be global, value-neutral and culture-centered.

SECURE HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Статья подготовлена при поддержке гранта БРФФИ-РГНФ Г15Р-002

Современная цивилизация «помешана» на безопасности, ибо осознала себя, как общество риска [1]. Общим источником этого риска является сам тип системной организации современного социума. Количество и степень сложности общественных связей таково, что общество не может развиваться целенаправленно и управляться централизованно. Способность сверхсложных систем к спонтанной самоорганизации не решает проблему того, что в целом развитие не является предсказуемым. Именно непредсказуемость мыслится как основная причина опасностей современной цивилизации, а, соответственно, безопасность трактуется как повышение управляемости процессов.

Другим источником риска в развитии современной цивилизации является глобализация, которая привела к тому, что социумы, относящиеся к различным типам и уровням цивилизационного развития, оказались вовлеченными в единое пространство взаимодействия, которое было охарактеризовано С. Хантингтоном как «столкновение цивилизаций» [2]. Данная концепция справедливо подвергалась критике, в частности потому, что концептуальная фиксация цивилизационного конфликта сделала его как бы реальностью и сама стала источником определенной опасности, побуждая трактовать любое событие в мире в терминах «столкновения цивилизаций» аналогично тому, как в

советские времена исторический процесс трактовался исключительно в терминах «классовой борьбы». Поэтому безопасность современной цивилизации во многом зависит и от выдвижения альтернативных концепций ее осмысления, позволяющих предложить некатастрофическую стратегию будущего.

Наряду с объективным изменением характера социальных процессов, современная цивилизация имеет и «субъективные» предпосылки озабоченности вопросами безопасности. Со времен Древнего Рима рост цивилизации сопровождался ростом изнеженности ее жителей. Однако древним, помнящим свою «суровую римскую добродетель», еще не приходило в голову требовать безопасной жизни; напротив, испытания считались поводом показать свою доблесть. Современные же люди, опираясь на мощь техногенной цивилизации и социальной политики, полагают, что должны быть защищены от любых невзгод. Удивительным образом, чем более непредсказуемым становится общество, тем более требовательными оказываются люди в вопросах безопасности. Эта требовательность также связана с изменившимся характером мировоззрения и исторического сознания как его составной части. Многие вполне реальные опасности, как физического, так и социального плана современная цивилизация научилась предотвращать с помощью рационального поведения, техники безопасности, социальных страховок и гарантий. Именно поэтому люди оказываются столь нетерпимыми к любому случаю, где меры безопасности не были предусмотрены и выполнены. Поэтому столь бессильной оказывается цивилизация в целом перед угрозами, которые не ликвидируются «мерами безопасности», так как они исходят из самой спонтанной природы реальности, ибо быть живым – само по себе рискованно.

Области проявления рисков современного общества многообразны, проблемы безопасности стали возникать не только в экономике или экологии, но и в духовной сфере. К числу духовных источников опасности для современной цивилизации выступает собственное сознание человека. Если в классической культуре дух с его вечными ценностями мыслился как спасительное убежище от ужасов реальности, то нравственные, религиозные, научные и эстетические процессы современности вызывают скорее тревогу, чем уверенность. Прежде человек имел гарантии безусловной значимости духовных смыслов – на нынешнем этапе в пространстве множественности смыслов все они подвергаются переосмыслению и пребывают в состоянии неустойчивости. В этом контексте может быть поставлен и вопрос о безопасности исторического сознания, который после культурной революции 1968 года актуализировался как в практически-политическом, так и в теоретическом плане [3, с. 57]. Исследователи вполне отчетливо осознают проблемное поле исторического сознания как сферу ответственных

высказываний, содержание которых напрямую влияет на социальную действительность. Как написал российский историк В.А. Тишков, ученый должен изучать социальную реальность так, «чтобы не было Кондопоги» [4, С. 43–48], т.е. чтобы создаваемые концепции не провоцировали негативные социальные процессы.

Целью данной статьи является доказательство того, что безопасное развитие современной цивилизации предполагает наличие безопасного типа исторического сознания, а также вычленение характеристик безопасного исторического сознания на основе рассмотрения механизмов функционирования исторического сознания в традиционных, современных и постmodernных обществах.

Историческое сознание «представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие *и оценку* прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [5, с. 4]. Как видно из определения, историческое сознание имеет обязательную аксиологическую составляющую, которая и делает наши воспоминания о прошлом безопасными либо опасными. Речь не идет о безнравственном и антинаучном манипулировании историческими данными, но о неотъемлемых ценностных характеристиках всякого исторического сознания. Феномены прошлого обладают значимостью для индивидов и сообществ, т.е. представляют собой ценность. Ценности исторического сознания указывают на то, «что», «как» и «зачем» мы запоминаем из нашего прошлого, и определяют степень «взрывоопасности» этих воспоминаний.

1. Традиционные общества в вопросе о том, *что* подлежит исторической трансляции, едины: это великие события, в которых запечатлены неизменные смыслы данной культуры. На протяжении веков они передают содержание социальной памяти в текстах, отбирающих и запечатлевающих вечное. Эпосы всех народов носят героический характер, былины и легенды доносят сведения о значимых, великих, потрясающих событиях. Первые исторические сочинения – это повествование о войнах, полководцах, царях и их великих деяниях. События проходят «исторический отбор», значимым считается то, что способно «пережить века».

О том, *как* традиционные общества передают историческое содержание, можно судить по функционированию народного фольклора. Изустная передача доминирует над летописями, историческая культура транслируется непосредственно через образцы деятельности и поведения. Парадокс традиционного общества состоит в том, что ценности его исторической культуры стабильно воспроизводятся, но менее всего осмысливаются. Если говорить об общей ценностной направленности этого исторического сознания, то его

самоощущение и самопрезентация осуществляются по принципу «раньше было лучше». Веками история слагалась из «рассказывания историй», в процессе которого произошедшие события в повседневном сознании людей превращались в разновидность мифологии, и любая возникающая проблема разрешалась за счет возвращения к истокам и базовым смыслам культуры.

В традиционном обществе не подлежало сомнению право и обязанность потомков действовать в соответствии с историческим наследием, завещанным им предками. Не только «грехи отцов», но и другие моральные обязанности падали на последующие поколения «вплоть до седьмого колена». Таким образом, наследие исторической памяти обладало морально обязывающим действием, на вопрос, *зачем* помнить, подразумевался ответ: затем, чтобы выполнить заветы предков, не исказить ценностную матрицу культуры. Помнить – это «отдавать дань уважения». В иерархии времен прошлому отдается приоритет перед настоящим, что получает свое отражение в мифе о «золотом веке», за которым последуют «век медный» и «век железный». Аксиологическая установка исторической культуры традиционного общества состоит в сохранении прошлого и его ценностей в аутентичном виде.

Таким образом, ценностью исторического сознания традиционного общества выступает великое, в неизменности воспроизводимое прошлое, обязывающее потомков к действиям в соответствии с ним. Безопасное развитие традиционного общества предполагает укрепление аксиологической убежденности в ценности своего прошлого, и, соответственно любой «пересмотр истории» оказывается опасным, разрушающим идентичность социальной структуры такого типа.

2. Общества модерна производят отбор событий, претендующих на статус исторических, по новым критериям. Уже Возрождение позиционирует себя как эпоха «гуманизма» по отношению к «мрачному Средневековью». Ценностный вектор оборачивается: «раньше было хуже». Отныне значимыми историческими событиями станут те, которые являются свидетельствами социального прогресса. История наполняется «прогрессивными» событиями, их стоит помнить, они обладают ценностью.

Способ сохранения исторического содержания также принципиально меняется. В культуре модерна механизмы его трансляции изменились под влиянием индивидуализации субъектов социального действия, что стало источником рационально-критического отношения к ценностной матрице предшествующей культуры. Одним из следствий «рационализация жизненного мира» (М. Вебер) стало формирование идеологий, которые содержат концепты, позволяющие обществу осмыслить направление своего исторического развития и управлять им. Целью идеологий неизменно оказывается

формирование образа не прошлого, а будущего, которое и становится ключевой ценностью исторической культуры модерна.

Процессы модернизации, в целом ориентированные на «прогрессистское» будущее, сформировали историческую память о прошлом как о «мрачном средневековье». Такая память сохраняла свои морально обязывающие функции и диктовала социальные действия революционного характера, направленные на уничтожение морального зла, корнящегося в прошлом.

Содержание идеологий не остается на уровне политологических и исторических трудов, но внедряется в повседневное сознание индивидов посредством системы образования и средств массовой информации. Не менее значимым каналом трансляции ценностей становится и повседневная историческая культура, преобразование которой в направлении «прогресса» становится важной задачей. Пётр I, как известно, огромное внимание уделял не только распространению передовых идей своего времени, но и бытовых практик. Ношение европейского платья, бритье бород, употребление кофе, посещение ассамблей и заграничные путешествия способствовали укоренению нового исторического дискурса в не меньшей степени, чем такие грандиозные исторические события как Полтавская битва или основание Петербурга.

Историческая память в культуре модерна становится мощным инструментом преобразований. На вопрос «зачем помнить», модерн отвечает: чтобы осудить мрачное прошлое и произвести социальные перемены. Таким образом, ценностью исторического сознания обществ модерна выступает прогресс, эта ценность побуждает стремление к преобразованиям во имя будущего. Безопасное строительство обществ модерна обеспечивается рациональной обоснованностью их идеологий. Главной же исторической опасностью представляются «пережитки прошлого», устойчивость которых подрывает не только ценностную систему обществ модерна, но и фундаментальную убежденность в возможности рационально преобразовать любые формы жизни. Именно от культуры модерна ведут начало современные представления о безопасности как самоконтроле цивилизации.

3. С изменением типа исторического развития в эпоху постмодерна активизировались также исследования исторического сознания. Одним из предметов размышления философии постмодернизма стало происхождение и статус различных культурных форм, переосмысление роли прошлого в современности. Плюралистическая мозаичная культура постмодерна отказывается от селекции исторических фактов по их значимости, нивелируя различия между великими историческими событиями и фактами биографий частных лиц. Пестуя многообразие, она отказывается от оценочных суждений

в отношении прошлого, в котором во все времена существовали многообразные формы блага и зла. Историческое сознание эпохи постмодерна пытается «вспомнить всё», произвести археологию и генеалогию наличных форм культуры, выстраивая и перестраивая историческое прошлое в разнообразные конструкции. В результате история утрачивает, казалось бы, незыблемое свойство – течь в определенном направлении: из прошлого в будущее. История оказывается музеем событий, перенесенных в некую искусственную вечность. Ими можно играть, в историю можно рядиться, в ней можно разыскивать истоки этничности, аутентичности, идентичности и проч.

В культуре постмодерна большую роль начинает играть повседневное историческое сознание. Как историки, так и простые люди смещают свое внимание с описания политических переворотов на бытописание, с осмысления действий народных масс на изучение отдельных биографий. Наряду с национальными культурами стали возникать новые типы идентичности со своими локальными формами исторической памяти.

На вопрос «зачем помнить» постмодерн устами Ф. Фукуямы сформулировал идею «конца истории» [6], состояния бесконфликтности и толерантности, основанного на безоценочном отношении к прошлому. И хорошие, и плохие события в равной степени остались позади. Они не могут и не должны определять современные отношения людей и стран. То, что традиционное и модерное историческое сознание оценило бы как «беспамятство», «забвение уроков истории», постмодерное видение полагает основой бесконфликтного будущего. Рефлексивное отношение к историческим событиям и множественности их интерпретаций создало дистанцию между социальным субъектом и его прошлым. Современный человек в своих действиях не связан единственным нравственным смыслом исторических событий. Историческая память общества постмодерна сохраняет события и забывает моральные оценки, чтобы видеть не обремененное прошлыми обидами многообразие будущего, что и является залогом безопасного существования этого типа цивилизации.

Однако современная цивилизация включает в себя страны с разным типом цивилизационного развития. Поэтому когда традиционные и современные общества столкнулись с вызовами глобализации и «общества риска», обнаружилась проблема безопасности исторического сознания. В качестве опасности стало рассматриваться размывание идентичности исторических субъектов предыдущих эпох (этносов и национальных государств). В ответ на это люди и народы сделали историю полигоном реализации собственных притязаний. Как никогда прежде исторические изыскания ведутся с четкими идеологическими и политическими целями. В плюралистическом

пространстве постмодерна происходит «война историй», различные сообщества (порой на весьма шатких исторических основаниях) предъявляют претензии на возмещение несправедливостей, причиненных в отдаленном прошлом, или принимают политические решения, обоснованные непреходящей моральной ценностью некоторых исторических событий. В результате главным источником опасности для современной цивилизации в области исторического сознания оказывается то, что общества и сообщества продолжают строить свои воспоминания о прошлом в соответствии с традиционными и модерными схемами, по которым, во-первых, невозможно мыслить историю как глобальный процесс, во-вторых, историческое прошлое обладает морально обязывающей силой по отношению к современности. Другой источник – это отсутствие глобального исторического сознания и концепций глобальной истории в противовес европоцентристской, западноцентристской и различным национальным версиям исторического процесса. Третий источник проблем – это сохраняющаяся трактовка истории как процесса по преимуществу политического. Как в научном, так и в повседневном историческом сознании «доминирует интерес к истории государства в ее различных аспектах (политическом, военном, экономическом); существенно меньший интерес вызывает история культуры» [7, с. 90].

В качестве альтернативы безопасное историческое сознание современной цивилизации должно быть глобальным, ценностно нейтральным и культураноцентристским.

Литература

1. **Бек У.** Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
2. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
3. **Линченко А.А.** Целостность исторического сознания: вопросы истории и методологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2014. – 248 с.
4. **Тишков В.А.** Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2008. – 84 с.
5. **Тощенко Ж.Т.** Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
6. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
7. **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под редакцией Л. П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 77–99.